

могущая подвергнуться лишенности и в большей степени представляющая собой субъект, чем материю; в самом общем смысле — это материя, полагаемая без места и лишенности, «*sed tantum sub esse potentiali subijcibile foimae*»*, посредством которой могут быть или не быть даже вечные субстанции. Эта последняя тождественна «универсальной материи» Гебироля, общей для всего, что есть, которую мы уже сблизили с «принципом чистой возможности», провозглашенным позднее Ричардом из Мидлтауна. Вот почему Томас, как впоследствии Ричард, соглашается с идеей гилеморфического строения ангелов и человеческих душ — это неизбежное следствие принятия им данного положения Гебироля.

Формы, по отношению к которым материя находится в возможности, являются действующими в сверхчувственных субстанциях, и там они пребывают в более благородном состоянии, чем тогда, когда придаются телам, потому что там они нематериальны. Собственное действие этих умопостигаемых субстанций состоит в том, чтобы устремлять (*influe*) формы в материю. Поэтому мудрецы называют чистые интеллигенции «подателями форм»: «*nominaverunt sapientes intelligentias istas datores potius quam eductores vel extractores*»**. Однако Томас настаивает на том, что интеллигенции не могут придавать материи те или иные формы только потому, что материя по отношению к ним действительно есть материя в возможности: формы ей даются лишь для актуализации

одной из ее возможностей. Поскольку материя — это главная причина субстанции, то форма — главная причина ее индивидуации и единства.

В человеческом составе форма — это душа, но сама душа есть субстанция, так как она уже составлена из формы и из той духовной материи, которую мы определили как чистую возможность существования и изменения. Интеллектуальное познание возможно потому, что форма, существующая в чувственно воспринимаемом объекте, способна стать моделью (*exemplar*) той формы, которая пребывает в душе; речь таким образом идет об одной и той же форме в двух различных способах бытия. Ссылаясь на трактат Гильома Оверньского «О Вселенной», Томас из Йорка объясняет формирование в мышлении универсалий, опираясь на схематическое упрощение; его навязывает реальности чувственный образ: он вбирает в себя от индивида лишь его специфическую общность. Интеллект включается в этот процесс для того, чтобы соединить общий элемент с образами вещей одного и того же вида, и формирует тем самым универсалию, предсцируемую индивидам. Не довольствуясь сведением к подобному психологическому объяснению аристотелевой абстракции, Томас упрекает Стагирита за его неосведомленность относительно того, что, помимо этого первого способа познания, существует другой, о котором хорошо известно христианам и некоторым философам. Благодаря ему знание приходит к душе не от чувств, а от Бога. Один Аристотель говорит, что всякое знание происходит от чувств: *nos autem, secundum sapientiam christianorum et philosophorum, scimus esse aliam, videlicet a superiori et pop a sensu, hoc est per viam influentiae et receptionis a Primo, et haec cognitio est certior alia, et haec est via quae currit ab idea in idea, quae non est per doctrinam exteriorem, sed tantum illuminationem interiorem****. В рамках подобного учения не особенно важно знать, можно ли от творений получить доказательства существования Бога, ибо в результате само-